

ЗАПАДНЫЕ КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ В ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ

Культуры Балканского полуострова всегда осуществляли как прямое, так и опосредствованное влияние на обитателей соседнего степного Причерноморья. Однако почти каждое конкретное проявление взаимодействия становилось предметом оживленных дискуссий. Местное происхождение или миграция – эта дилемма активно обсуждалась как относительно памятников типа Белолесья (Станко 1971; 1980; 1985; Станко Яневич 1990; Телегин 1982; 1985; Cohen 1999), так и относительно более поздних стоянок гребениковской культуры (Станко 1972; 1982; 1986; Коваленко, Кетрару 1997; Коваленко, Цой 1999; Залізняк 1998; 2005а; 2005б; Zaliznyak 2006). Вопрос о роли балканского центра в распространении воспроизводящего хозяйства территориями южной Украины стал одним из центральных для отечественного неолитоведения (Даниленко 1969; Цалкин 1970; Шнирельман 1980; Крижевская 1992; Kuzmina 2000; Котова 2002).

Как и в любом споре относительно направления диффузии культурных инноваций, в этих диспутах решающую роль должны сыграть определения возрастов изучаемых явлений. Лишь они могут заложить твердый фундамент для реконструкции исторического процесса. Развитие финального палеолита и мезолита междуречья Дуная и Буга естественно рассматривать на фоне хронологии соответствующих периодов Юго-Восточной Европы. Возможно, это прольет новый свет на проблемы отношений степи и Балкан в это время.

1. Культурно-исторический процесс в Юго-Восточной Европе в течение финального палеолита и мезолита

Население Юго-Восточной Европы на протяжении периода мезолита не было однообразным, ни в культурном, ни в хозяйственном аспекте. Значительные изменения происходили во времени и пространстве. Без четких хронологических границ невозможна более или менее детальная историческая реконструкция жизни первобытного общества. Здесь мы попытаемся выяснить культурно-исторический фон для последующего изучения западных культурно-экономических связей населения Северо-Западного Причерноморья в финальном палеолите и мезолите.

Последние охотники и собиратели Юго-Восточной Европы концентрировались преимущественно в четырех регионах (Рис.1). Отсутствие находок на широких территориях между ними можно объяснить либо слабым изучением, либо тафономическими причинами. Все-таки, широкие разведки, проведенные по современной методике в этих «проблемных» зонах в большинстве случаев не смогли обнаружить памятники, подобные известным на «классических» мезолитических территориях юго-восточной Европы (Kotsakis 2003; Perles 2003). Частично, все же, это распределение, по-видимому, отображает особенности расселения людей среднекаменного периода.

Локальные периодизационные схемы были пересмотрены или созданы заново в ряде важнейших для понимания развития мезолитической культуры регионов между

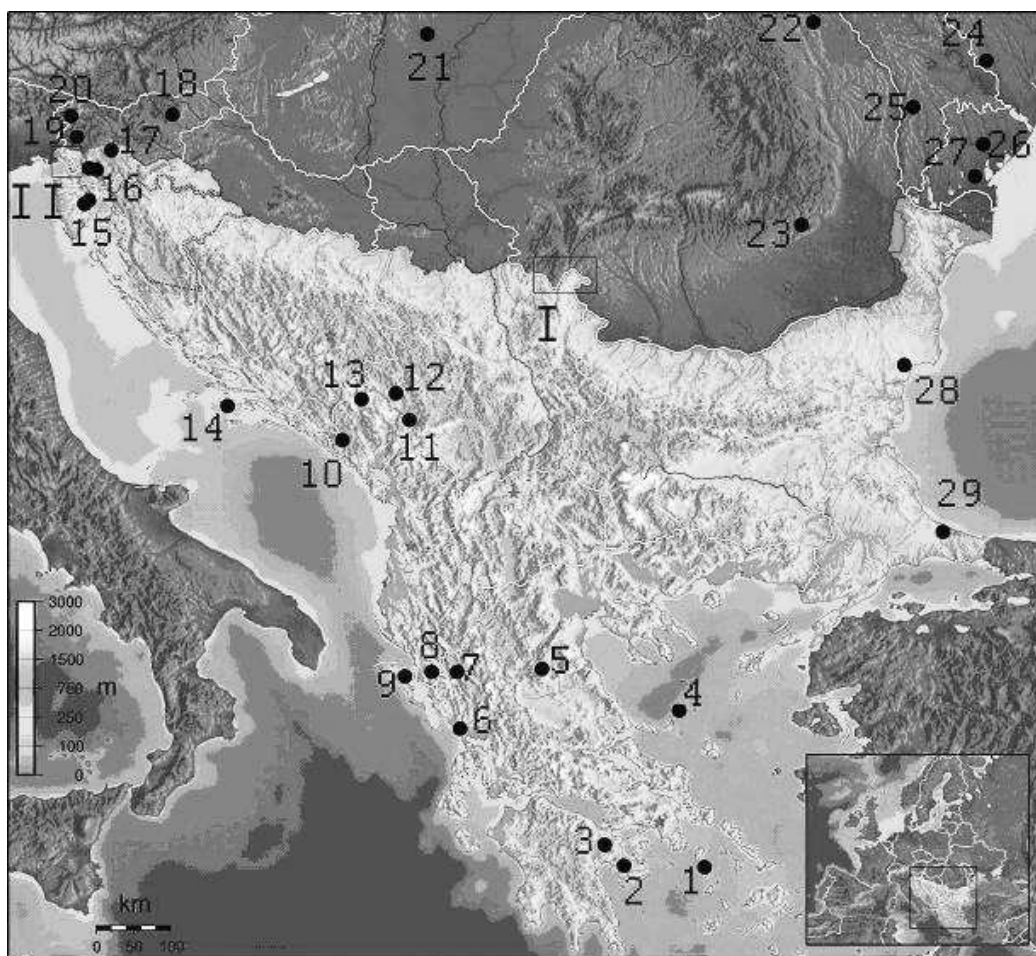

Рис. 1. Карта опорных стоянок мезолита Юго-Восточной Европы. I – Железные Ворота, II – Триестский карст
 1 – Марулас на Китносе, 2 – Франкти, 3 – Клисуре, 4 – Юра (Пещера Циклопа),
 5 – Теопетра, 6 – Превеза, 6 – Клити, Мегалакос, Бойла, 8 – Кониспол, 9 – Сидари,
 10 – Црвена Стиена, 11 – Трбашки Крш, 12 – Медена Стиена, 13 – Одмут,
 14 – Вела Шпиля, 15 – Пупичина, Шебрн, Подосойна Печ, 16 – Викториев Сподмол,
 Под Чрмукло, 17 – Брег, 18 – Шпеховка, 19 – Кук, 20 – Кашина, Претовч, 21 – Яшберени,
 22 – Ербичень, 23 – Лапош, 24 – Гиржево,
 25 – Саратены, 26 – Белолесье, 27 – Мирное, 28 – Побити Камни, 29 – Агачли.

Карпатами и Эгейским морем. Возникает задача сравнения и увязки их между собой. Мы провели такое исследование, взяв за основу серийное калибрование радиоуглеродных определений для опорных стоянок.

Результаты исследования графически оформлены в обобщающую хронологическую таблицу. На предложенной таблице, там, где это возможно, мы пытались выразить периодизационные границы в виде статистического распределения, когда каждому промежутку времени отвечает определенная вероятность, что именно через

него проходит линия разделения двух этапов (Рис.2). В какой-то степени такая вероятностная форма является артефактом исследования – производной от суммарных погрешностей калибровочной кривой и набора радиоуглеродных дат. В то же время, по нашему мнению, она отображает важные черты развития материальной культуры. Существенные изменения в наборе орудий труда происходят не мгновенно. Внедрение инновации – сложный социальный процесс. Для его развертывания нужен определенный отрезок времени, иногда достаточно значительный, иногда неуловимый на уровне современных возможностей абсолютного датирования. Поэтому результаты анализа по ^{14}C для того же «революционного перелома» будут кое-чем отличаться. В результате обработки серии дат это расхождение приведет к неуверенности в том, когда же собственно имело место поворотное событие. Исходя из похожих рассуждений, М.Б. Щукин предлагал составлять периодизационные схемы не из стадий-квадратиков, а из стадий-ромбиков (Щукин 2004). Статистическое распределение является более сложной (и более адекватной) формой изображения расплывчатого характера границ между хронологическими фазами.

Каждый из регионов Юго-Восточной Европы имел свой путь культурно-исторического развития в мезолите.

Территорию Эгейской Греции в конце ледникового периода заселяли носители культуры эпиграветского типа, но с развитым комплексом геометрических микролитов. При этом в его составе преобладали трапеции и ромбоиды (Perlés 1987). Следовательно, шла речь не о процессах азилизации, которым присущи преимущественно острия с выгнутой спинкой и сегменты, а о конвергентных процессах, близких по сути. Напомним, что в настоящий момент азилизацию преимущественно трактуют как процесс адаптации населения к новым естественным условиям, которые сложились в течение теплого интерстадиала аллереда (Barbaza 1999: 27–29).

После этого отмечен достаточно значительный промежуток времени, почти лишенный археологических сведений. Первые голоценовые стоянки представлены обедненными комплексами – по большей части из нетипичных ретушированных изделий на невыразительных заготовках неправильной формы. По нашему мнению, значительные отличия между первыми голоценовыми и финальнопалеолитическими комплексами могут иметь и функционально-хозяйственное объяснение. И обедненные комплексы могут представлять собой специализированные сезонные стоянки (Perlés 1990). К тому же существуют определенные доказательства в пользу того, что самые поздние стоянки эпиграветского типа продолжали функционировать и в самом начале голоцена (Bailey 1997: 23–24).

Распространение геометрических микролитов, оформленных экстенсивной крутой ретушью на иррегулярных заготовках в среднем мезолите по К. Перле, на наш взгляд, является процессом близким по своей сути к «совтеризации», которая хорошо описана в Северной Италии и Южной Франции. Сущность этого процесса заключалась в максимальном использовании кремневого сырья в условиях увеличенной мобильности.

Наконец подчеркнем, что поздний мезолит по технолого-типологическому определению (появление очень регулярной пластинчатой техники и распространение стандартизированных геометрических микролитов) в Эгейской Греции, собственно так и не начался. Его основные характеристики появятся лишь в начальном и раннем неолите. Все три этапа, выделенных К. Перле, отвечают раннему мезолиту других регионов.

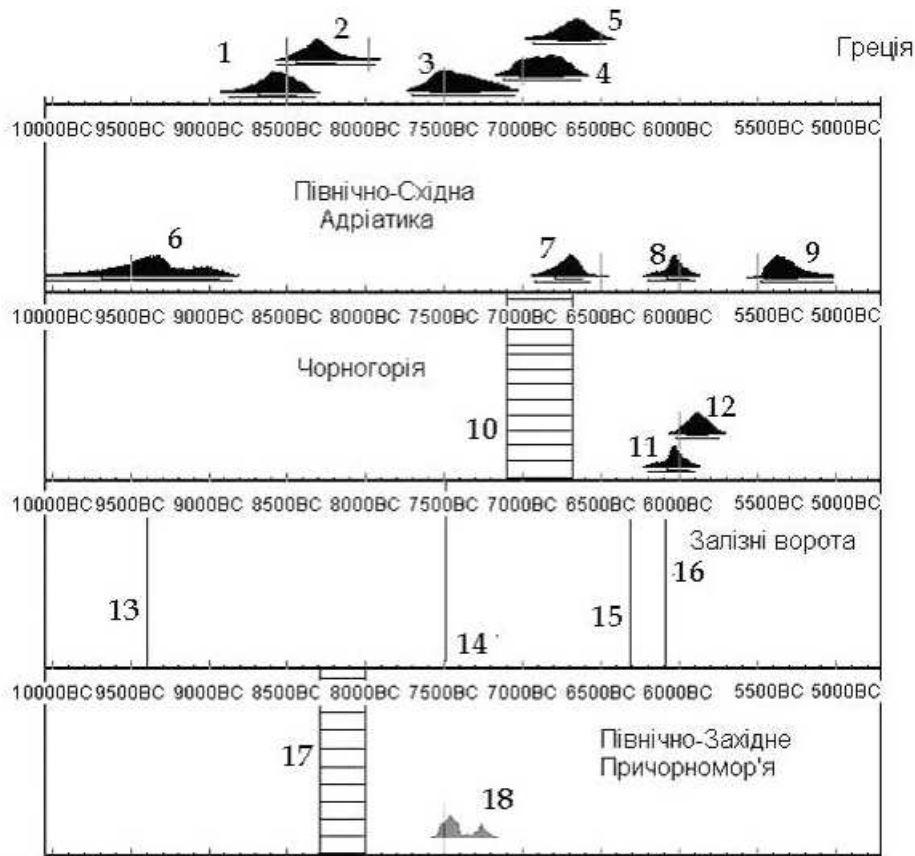

Рис. 2. Обобщающая таблица абсолютной хронологии Юго-Восточной Европы в рассматриваемый период

- 1 – начало фазы VII, 2 – начало фазы VIII, 3 – начало фазы IX, 4 – появление начального неолита, 5 – появление раннего неолита, 6 – начало раннего совтера, 7 – начало кафельновьена, 8 – появление неолитических поселений (культуры керамики импресо), 9 – последние кафельновийские комплексы, 10 – условное начало позднего мезолита, 11 – конец позднего мезолита, 12 – начало раннего неолита, 13 – начало мезолитического заселения Железных Ворот, 14 – рубеж между ранним и поздним мезолитом, 15 – начало финального мезолита, 16 – начало неолита, 17 – начало позднего мезолита, 18 – новые датировки стоянки Мирное (по: Kozłowski & Kozłowski 1984; Bonsall, Cook et al. 2000; Станко 1982)

В Эгейской Греции значительную роль в социальных связях надобщинного уровня играли морские пути. Траектории обмена связывали европейское побережье с малоазийским через многочисленные острова. Непосредственная форма этих контактов нам неизвестна. Безусловно, можно исключать гипотезу о едином социо-этническом сообществе, заселяющем оба берега Эгейского моря. Состав этнически

определяющих изделий (микролитов) на стоянках из Анатолии и материковой Греции имеет лишь стадияльное сходство и не является достаточно близким, чтобы речь могла идти об объединении ранга археологической культуры или даже культурно-исторического сообщества. Следовательно, следует представлять эти отношения как межэтнические, возможно, построенные на символическом обмене. Нельзя исключать, что обмен имел «цепной» характер и передвижение материальных объектов на значительные расстояния не сопровождалось настолько же значительным перемещением людей.

Если диахроническая вариативность греческого мезолита достаточно хорошо выяснена, то пространственное группирование памятников и до сих пор остается «белым пятном». Основной причиной этого, прежде всего, является недостаточное количество стоянок, которые были бы известны на сегодня. К тому же стоянки не образуют территориальные кластеры, встречаются поодиночке, будучи распыленными на значительных территориях. Тем не менее, можно говорить, по меньшей мере, о двух различных группах населения – одна с «автохтонным» набором орудий труда, вторая – с микролитами анатолийских типов. В первом случае идет речь о круто ретушированных изделиях на заготовках, в большинстве случаев, неправильной формы. Это, как эпонимный памятник Франкти, так и подавляющее большинство других стоянок материковой Греции (Perlés 1990; Koumouzelis, Kozłowski et al. 2003). Из островных находок, подобный комплекс был обнаружен на Маруласе на Китносе (Sampson, Kozłowski et al. 2002). Последние же включают артефакты на пластинках, прежде всего, сегменты. Стоянки второй группы известны на островах Юра и Лемнос (Sampson, Kozłowski et al. 1998). Их ближайшими аналогиями являются эпилеолитические стоянки Южной Анатолии. Таким образом, на островах Эгейского моря встречались мореплаватели двух разных культурных традиций. Определенное усиление восточных влияний чувствуется на европейском континенте непосредственно перед проникновением неолитических колонистов. Так, в последних мезолитических отложениях пещеры Франкти обнаружены двусторонне обработанные острия подобные известным на Ближнем Востоке (Зализняк 2006). Следовательно, межматериковые контакты готовили почву под будущую неолитизацию региона.

Последние этапы палеолита на восточном побережье Адриатики представлены преимущественно тардиграветскими стоянками двух основных типов: с классическим эпиграветским инвентарем (острие типа микрогравет с прямой спинкой) и с геометризванным набором микролитов. Последним присущи трапеции, ромбоиды, иногда треугольники и сегменты с сохранением преимущества в наборе микролитов негеометрических острий с затупленной спинкой (Mihailović 1999). На отдельных памятниках выразительно прослеживается азилизация. В то же время, присутствие нескольких сегментов и острий с арковидной спинкой обычно не сопровождается глубокой перестройкой структуры технокомплекса. В подавляющем большинстве «азилизированные» комплексы все еще могут быть охарактеризованы как тардиграветские наряду с синхронными стоянками с «классическим» эпиграветским инвентарем.

Отмеченные типологические отличия, по нашему мнению, не свидетельствуют об интрузии инокультурного населения, а только о конвергентных путях адаптации к стремительному потеплению аллерада.

Из местного тардигравета в ходе кризиса начала голоцена (9700 г. до н.э.) появляется совтерский технокомплекс. Переход достаточно хорошо зафиксирован последовательностью итальянских стоянок долины р. Адидже (Broglia 1980). Он

заклучался в замене негеометрических микролитов тардигравета треугольными острями, наряду с очень маленькими сегментами и другими острями, изготовленными в микрорезцовой технике. Распространяется использование отщепов в качестве заготовок, нуклеусы утилизируются максимально возможно – вплоть до уничтожения. Типологическая структура приобретает более грубый вид, который в действительности является отображением высокого мастерства древних людей в расщеплении кремня, направленного преимущественно на экономию сырья и изготовление максимально легких орудий (Barbaza 1999: 34–37). Весьма возможно, что эта тенденция связана с увеличением подвижности первобытных людей и с изменением типа мобильности – от логистической к фуражирской (по Л. Бинфорду). Процессы совтеризации охватили большую часть южно-адриатического бассейна. Особенный вид треугольников отличает восточно-альпийский центр совтеризации. Его влияние достаточно заметно на северо-восточном берегу Адриатики. На юге же региона ранний мезолит не изучен обстоятельно. Некоторые тардиграветские комплексы с мелкими острями эпиграветских типов, кажется, продолжают существовать и в раннем голоцене. В то же время, процессы совтеризации в чистом виде здесь мало заметны. Скорее всего, речь должна идти о разных путях трансформации в новых экологических условиях поздних эпиграветских индустрий, имеющих в целом общую направленность, но различные проявления в отдельных группах населения.

Поздний мезолит этого региона характеризуется распространением симметричных трапеций в качестве наконечника стрел и очень регулярной техникой скальвания пластинок и микропластин. Вопросы их происхождения не выяснены до конца. Сторонники автохтонной гипотезы опираются на присутствие трапеций в памятниках финального совтера среди преимущественно традиционного набора каменных орудий труда (Broglia 1980). По их мнению, именно здесь возникают эти инновации. В действительности же, перестройка сферы производств орудий была слишком радикальной и направленной для того, чтобы мы могли говорить о локальном изобретении техники. Скорее речь идет о стремительной диффузии идеи (Barbaza 1999).

Индустрии позднего мезолита, представленные в двух вариантах и имеющие, по-видимому, культурно-историческое значение, – представляют собой остатки жизнедеятельности двух отдельных сообществ. Если на севере большинство трапеций изготавливались в микрорезцовой технике (Эдера, Романьяно III), на юге (Одмут, Црвена Стиена) эта техника не была известна (Kozłowski & Kozłowski 1984b). Это отличие имеет стилистический характер на фоне в целом подобного состава орудий труда, а, следовательно, может служить «этническим маркером» в этом случае. Интересной, но сугубо терминологической дискуссией является вопрос о том, применим ли термин «Кастельновьен» для обоих культурных явлений. Классический Кастельновьен Северо-Восточной Италии представлен достаточно своеобразным набором микролитов. Здесь характерной формой является асимметричная трапеция, часто с незаретушированной микрорезцовой фасеткой, изготовленная на достаточно широкой заготовке, скорее пластине, чем пластинке. В крайнем случае, эти изделия в восточноевропейской традиции описывались бы как «косое острие с тронкированной базой» и вряд ли считались бы геометрическими микролитами. В то же время, Кастельновьен на западе и к югу от Северо-Восточной Италии преимущественно характеризуется симметричными и асимметричными трапециями более классических форм. Позднему мезолиту восточно-адриатического побережья присущи трапеции симметричных очертаний на небольшой пластинчатой заготовке.

Самые поздние кафельновийские стоянки исчезают на 4–5 веков позже проникновения в этот регион первых носителей производящего хозяйства и керамики (Biagi, Starnini et al. 1993). Фаза сосуществования была достаточно длинной для того, чтобы состоялось взаимодействие между автохтонным населением и мигрантами. В то же время, формы этих контактов остаются гипотетическими.

Последние фазы позднего палеолита в районе Железных Ворот представлены достаточно своеобразными памятниками. В их кремневых комплексах присутствуют выразительные свидетельства азилизации: сегменты, острия с закругленной спинкой, двойные острия, короткие скребки и др. Достаточно значительна и часть «классических» эпиграветских элементов: острий с прямой притупленной спинкой, пластинок с крутой ретушью, резцов. Трапеции с ретушированной короткой основой представлены в незначительном количестве. Поэтому А. Пэунеску и Я. и С. Козловские склонялись к тардиграветской атрибуции стоянок, достаточно осторожно упоминая об их «азильском» компоненте (Kozłowski & Kozłowski 1979; 1984b; Păunescu 2000).

Вряд ли содержательной является миграционная гипотеза происхождения «азильских» элементов на Балканском полуострове. «Азилоидные» комплексы возникают на широком пространстве (от Кавказа до Пиренеев) более-менее синхронно. Конкретные проявления процессов «азилизации» значительно отличаются друг от друга и не могут быть ранжированы в пространстве в терминах центра происхождения и периферии. По нашему мнению, на данном этапе накопления знаний, лучше всего интерпретировать это явление как проявление конвергентных адаптивных процессов в условиях стремительных и временных потеплений финального плейстоцена.

Мезолит Железных Ворот – это, прежде всего, культуры Лепенски Вир и Скела Кладовой. Это сообщество по своей природе отличается от всех других социо-культурных группировок, которые известны в Юго-Восточной Европе. Своеобразие последних, по большей части, заключается в характерных чертах кремневого инвентаря. Двухименная же культура выделяется всем комплексом материальной культуры: конструкцией жилья и очагов, способом захоронения, предметами искусства. Ее памятники расположены в пространстве намного плотнее. Каменная индустрия среднедунайского мезолита изучена неполно и в существующих описаниях выглядит очень невыразительной – почти лишенной микролитов. Проблема периодизации развития комплекса орудий труда, до сих пор не решена убедительно. Материалы Падины, Лепенского Вира и Власаца оказались смешанными, а в коллекциях румынских стоянок нет характерных элементов (Boroneanț 1980; 1999; Borić 2002; Bonsall, Cook et al. 2004).

Начала этой культуры не до конца выяснены. Самые ранние голоценовые комплексы Железных Ворот по своей типологической структуре близки к своим тардиграветским предшественникам. В их составе есть острия с притупленной спинкой, как с прямой, так и с искривленной. Однако заметно растет доля отщепов среди заготовок, грубее становятся очертания сколов, меньшим – процент микролитов и типичных форм скребков. Эти комплексы имеют переходный характер и свидетельствуют о тардиграветском субстрате, на основе которого формировалось население культуры Скелы Кладовой и Лепенского Вира. Согласно авторам раскопок (Д. Срейович и В. Боронянц) развитие культуры Лепенского Вира и Скелы Кладовой началось с конца ледникового периода (Srejović 1989). А. Пэунеску отмечает тардиграветскую атрибуцию этих памятников (Păunescu 2000: 385).

Традиционные типологические критерии здесь не работают. Классические поселения датируются достаточно поздно в пределах мезолита. Мы считаем, что культура Скелы Кладовой и Лепенского Вира имеет другую природу, отличающуюся от сущности сообществ, которые выделяются по типологии кремневых изделий, и должна характеризоваться по-другому. В частности, важной составляющей институализации этой социо-культурной группировки является захоронение умерших на стоянках вполне определенным способом. Как свидетельствуют новейшие радиоуглеродные датировки, некрополи Падины и Власаца начали функционировать еще в пребореале (Bogić, Miracle 2004). По нашему мнению, это решающее доказательство того, что культура Скелы Кладовой и Лепенского Вира возникает именно тогда, и голоценовые тардиграветские комплексы Падины А, нижнего слоя Скелы Кладовой и Острова Банулуй принадлежат именно к ней.

Время появления здесь трапедий – достаточно дискуссионно. Они обнаружены Я. и С. Козловскими на стоянках Лепенски Вир (слой I, 6 экземпляров) и Власац (слои I–III, 9 шт.) (Kozłowski & Kozłowski 1984a; 1984b). Большинство из них атипичные, часто изготовленные на заготовке с иррегулярными боками. Они преимущественно происходят с полов домов, которые считаются или финально-мезолитическими, или ранненеолитическими. «Ранние» трапедии из Власаца, скорее всего, датируются не раньше, чем 70 в. до н.э. Вполне возможна и значительно более поздняя хронология. Показательным в этом плане является появление очень регулярной техники скалывания пластинок. Собственно, ее свидетельства, по Я. и С. Козловским и И. Радованович приходятся только на слои культуры Старчево и финального мезолита (Kozłowski & Kozłowski 1984a; 1984b; Radovanović 1996). Лишь со времени окончательной неолитизации технология расщепления становится полностью пластинчатой. Таким образом, поздний мезолит в технологическом смысле появляется в дунайских ущельях достаточно поздно и не вытесняет полностью отщеповую технику производства.

Сообщество Скелы Кладовой и Лепенского Вира нашло другие способы декларации групповой идентичности. Речь идет обо всем, достаточно богатом комплексе материальной культуры. На наш взгляд, эти особенности свидетельствуют о высокой степени надобщинной интеграции. Это социальное явление возникло и развивалось на основе контроля над ущельями Дуная – местом чрезвычайно производительного рыболовства. Территория сообщества – сравнительно небольшая. О территориальной ограниченности социальных связей свидетельствует и значительный процент местного сырья плохого качества, которое применяли носители этой культуры во все более прогрессирующих масштабах. Территориальность поведения засвидетельствована и появлением общих могильников. В отдельных скелетах из них найдены наконечники стрел и копий, которые возможно были причиной смерти (Bonsall, Cook et al. 2000; Cook, Bonsall et al. 2002). Поэтому, видимо, можно высказать предположение о ритуальных войнах как способе утверждения социальных групп на выгодных территориях.

Развитие материальной культуры шло в районе Железных Ворот другими путями, чем где-либо в Юго-Восточной Европе. С технолого-типологической точки зрения можно выделить три периода. Первый характеризуется переживанием тардиграветских традиций, второму присущи типологически бедные индустрии, преимущественно из местного сырья, во время третьего – в регионе появляются трапедии и регулярная пластинчатая техника. Следует иметь в виду, что именно последний

(финальный мезолит по К. Бонселу и его соавторам) отвечает технологически и типологически (но не хронологически) позднему мезолиту Восточной Адриатики и Карпато-Днестровского региона. В течение финального мезолита носители культуры Лепенского Вира и Скелы Кладовой сосуществовали и взаимодействовали с неолитическим населением культур Криш и Старчево. Эти контакты нашли материальное подтверждение в находках импортированного сырья, керамики и костей domesticiрованных животных, в поздних слоях культуры Скелы Кладовой и Лепенского Вира. Они не были лишь поверхностными обменами, а затрагивали саму структуру общества с присваивающей экономикой, что собственно и привело к исчезновению его социо-культурных характеристик.

2. Финальный палеолит и ранний мезолит Северо-Западного Причерноморья.

Культурно-исторический процесс в Северо-Западном Причерноморье стал предметом острых дискуссий. В первую очередь, нет единства в вопросе выделения памятников раннего мезолита. В.Н. Станко к раннему мезолиту относит исследованную им стоянку Белолесье и несколько пунктов сбора археологического материала на поверхности (Белолесье IV, Кантемир, Царинка, Гаврилов Яр и др. [Stanko, Kiosak 2007]). В последнее время он не исключал возможность формирования в раннем мезолите индустрии памятников кукрекского типа (кукрекской культуры), выводя их из индустрии эпигравета Северного Причерноморья, как и Д.Я. Телегин (Stanko 2007; Телегин 1982: 118–119). Вместе с этим, ряд исследователей относит Белолесье и Царинку к финальному палеолиту (Коробкова 1989: 63–86; Яневич 1990: 27–28; Залізник 1995: 18)

2.1. Памятники типа Царинки:

Стоянка Царинка была обнаружена в 1973 г. разведками ОГУ им. И.И. Мечникова на высоком (свыше 100 м над уровнем реки) мысе правого берега Ивашковой Балки, правого притока р. Савранка. Археологическая коллекция включает лишь артефакты, собранные на поверхности. В 1975 г. несколько разведывательных шурфов не обнаружили культурный слой. По последним сведениям коллекция состоит из 4330 экземпляров. Призматические, одно- или двухплощадочные нуклеусы представлены значительными сериями. Достаточно часто такие предметы довольно узки, чтобы быть охарактеризованными как плоские. Подпризматических ядрищ меньше. Выразительные серии нуклеусов имеют первичную корку с тыла. Ударные площадки, по большей части, скошены. Негативы сколов короткие – не превышают в своем большинстве 6 см. Отщепов больше, чем пластин. Орудия труда составляют несколько меньше 10% находок. Скребки формируют наиболее многочисленную группу. Значительная часть их представляет собой короткие и укороченные формы. Большинство резцов изготовлены на сломе пластины или без предшествующей подготовки ударной площадки для снятия резцового скола. Ретушированные резцы очень немногочисленные. Выразительными сериями представлены ретушированные пластинки и изделия с двусторонней подтеской («долотовидные орудия труда»).

Но, выразительность индустрии Царинки заключается, прежде всего, в ее микролитическом комплексе. Последний представлен своеобразными микролитами: пластинками с двумя усеченными концами и притупленным краем, которые получили в отечественной литературе название трапеции «осоковорского типа». В Царинке их изготавливали на толстых, грубых, нерегулярных пластинках крутой, широко-фа-

сетной ретушью. Верхняя ретушированная основа может быть прямой, но чаще она волнистая или выемчатая. Трапеции иногда бывают асимметричными, почти всегда они вытянуты, симметричны.

Индустрия памятников получила противоречивые толкования. С одной стороны она, безусловно, напоминает хорошо известные комплексы с «трапециями» осокоровско-рогаликского сообщества. С другой, имеет и ряд отличий. В.Н. Станко предлагал интерпретировать эти особенности Царинки в хронологическом смысле, выделяя третий этап развития царинковско-рогаликского сообщества или осокоровской культуры.

Впервые на единство таких памятников как Осокоровка I Зв и Рогаликско-Якимовская стоянка указал еще П.И. Борисковский (Борисковский 1953). В.Н. Даниленко считал, что своеобразие этой группы стоянок связано с ассимиляцией импульса капсийской культуры северными группами кроманьонцев (Даниленко 1969). В.Н. Станко, ссылаясь на В.Н. Даниленко, выделял рогаликский тип памятников (Станко 1972). После открытия стоянки Царинка, возобновления работ на рогаликских стоянках, публикации ряда важных коллекций стало понятным, что речь может идти об отдельной царинковско-рогаликской культурно-исторической общности (Станко 1980; 1982). На основании новых раскопок в рогаликско-передельском районе А.Ф. Горелик значительно уточнил представление об указанном сообществе (Горелик 2001). Н.П. Оленковский предложил понимать единство этих памятников более тесно и называть его осокоровской культурой (Оленковский 1991). Подобное словоупотребление поддержал Л.Л. Зализняк, все же вкладывая в него несколько другое содержание (Зализняк 1995; 1998).

Царинковско-рогаликская общность согласно большинству авторов включает следующие памятники: отдельные стоянки рогаликско-передельского района, Осокоровку Зв, Леонтьевку, Царинку. При этом А.Ф. Горелик выделяет несколько уровней сходства в границах рогаликско-царинковской культурной области. Если рогаликские стоянки и Царинка кажутся ему очень похожими, то Осокоровка I Зв и Леонтьевка имеют многочисленные отличия (Горелик 2001).

Поиск западных аналогий рогаликско-царинковского сообщества начала Г.В. Григорьева в границах общей дискуссии о роли геометрических микролитов в позднем палеолите Европы (Григорьева 1982). Концептуально подходил к этой проблеме Д.Ю. Нужный, который считал, что указанные памятники нужно понимать как «связанные с самыми поздними мадленскими памятниками Восточной Европы» (Нужный 1986: 35; 1992: 30–31). А.Ф. Горелик приводит широкий перечень близких и отдаленных аналогий трапециям осокоровского типа. Его обширная география и относительно сжатая хронология дали исследователю допустить, вслед за Д.Ю. Нужным, что низкие трапеции осокоровского типа представляют собой определенный, широко распространенный этап развития микролитической техники (Горелик 2001: 311–312).

Хронология рогаликско-царинковского сообщества мало обеспечена радиоуглеродными датами. Так известны даты из ранних памятников: Осокоровки I (Зв) (13095–12825 calBC) и Леонтьевки (12160–11945 calBC). Более поздние памятники в рогаликско-передельском районе комплексным методом отнесены к аллереду. В частности, синхронной им считается эпиграветская стоянка Рогалик VII с датой 11440–11190 calBC, а слой с трапециями «осокоровского типа» стоянки Рогалик XII залегал под почвой, датированной 9120–8630 calBC (См. Рис. 3).

Стоит заметить, что с точки зрения большинства конвенционных типологий не все «трапеции осокоровского типа» являются трапециями. Еще согласно Д. Сонвиль-Борд и Ж. Перро необходимо различать битронкированные изделия и геометрические микролиты. Судя по комментариям к определениям типов, отличия, заключались в несколько больших размерах битронкированных изделий и в их менее правильной форме. Они похожи на геометрические микролиты, но все же или не микролиты, или не геометрические (Sonneville-Bordes, Perrot 1956: 550). Подобная дефиниция «по остаточному принципу» имеется и в тип-листе Ж. Тиксье – позиция 80 (Tixier 1961).

Уже несколько позже Группа изучения эпипалеолита и мезолита (G.E.E.M.) отличала иным образом битронкированные пластины и пластинки и трапеции. Ширина трапеции не может быть меньше половины ее длины, иначе речь идет о пластинчатой заготовке с двумя усеченными краями. Для иллюстрации этого тезиса группа авторов предложила схематический рисунок артефактов, не являющихся трапециями. Вторая позиция на этом рисунке полностью отвечает представлению о «трапециях осокоровского типа» (G.E.E.M. 1969: 361). Похожее, но несколько другое, определение можно найти в широко распространенном тип-листе Ж. Лапласа (Laplace 1964: 40).

Легко убедиться, что значительная часть известных нам «трапеций осокоровского типа» не отвечают этим определениям, а, следовательно, не являются геометрическими микролитами. Скорее всего, более корректно именовать их «трапециевидными изделиями», а не трапециями.

Начиная с последнего максимального похолодания ледникового периода, некоторые битронкированные пластинки, которые напоминают трапезоиды, присутствуют в эпиграветских комплексах, но, как правило, они представлены одиночными экземплярами. Выразительный геометрический компонент известен в имеретинской культуре Кавказа (Бадер 1984). Отдельные битронкированные изделия известны в Кадаре I (Босния) и Црвене Стиене (Черногория (Basler 1979)). Они достаточно широко представлены и на Юге Апенинского полуострова: в пещере Аква Фитуза и Сан Теодоро (Сицилия (Dalmeri, Ferrari et al. 2004: 244)). В континентальной Италии богатые и очень насыщенные археологическими находками стоянки Пальичи, Палидоро и Тальенте принесли лишь единичные битронкированные пластинки, которые можно трактовать и как случайную, несерийную форму для этих, в целом эпиграветских, памятников (Venac 1957). В Северо-Западном Причерноморье «трапезоиды» отмечены в Ивашково VI, на стоянках Прогон, Сурской V, Дремайловка и Оселивка (Залізник 1998: 124).

Намного более распространенными в Южной Европе трапециевидные изделия становятся от начала XII тыс. до н.э. (calBC). Весьма возможно, что это явление коррелирует с потеплением, заметным в ледниковых ядрах Гренландии. «Трапеции» присутствуют в позднем мадлене Франции, итальянском и испанском эпигравете, на стоянках конца позднего палеолита Балканского полуострова.

Трапециевидные изделия на эпиграветских стоянках Ла Когола и Бус де Ла Лум составляют самый заметный компонент микролитического комплекса, хотя небольшими сериями изделий они представлены и на целом ряде других памятников: в пещерах Джованна, Санта Кроче, Дзиндзулуза, Романели и Кавалло, Гротта дель Прете, Полезини, Палидоро, Арен Кандид (Cannarella 1968; Dalmeri, Ferrari et al. 2004). На двух вышеупомянутых памятниках, битронкированные изделия, преимуще-

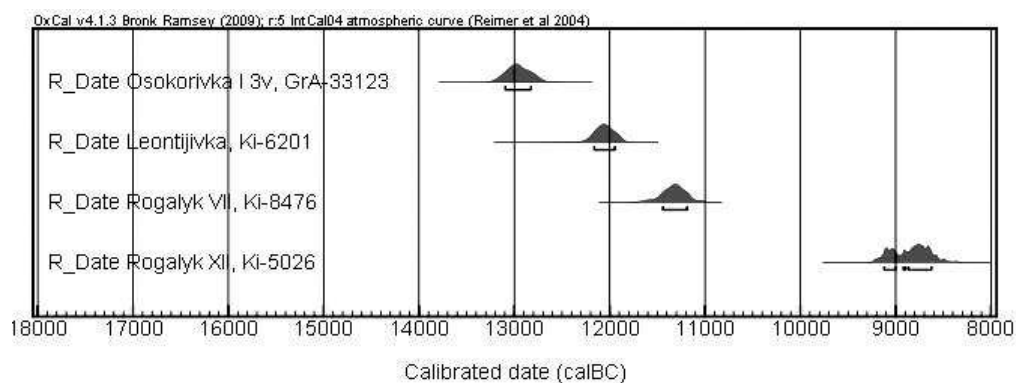

Рис. 3. Калибрование радиоуглеродных дат стоянок рогаликско-царинковской общности.

щественно очень небольших размеров, представляют собой высокие и средневысокие трапеции, полученные двумя усечениями концов пластинок крутой ретушью. Ретушь по верхней основе отсутствует. Они типологически отличаются от «трапеций осокоровского типа» и не могут служить аналогией для них. Удлиненные трапеции с ретушированной верхней основой присутствуют на позднепалеолитических стоянках Италии, но одиночными экземплярами и наряду с выразительными сериями изделий с арковидной спинкой.

Несколько другая ситуация в эпигравете Пиренейского полуострова. Здесь, небольшими сериями, трапециевидные изделия представлены среди инвентаря групп Сент-Грегори, Филадор и Маллаетес. Заметный элемент микролитического комплекса средневысокие и удлиненные трапециевидные изделия составляют в группе Кочина – наряду с многочисленными треугольниками и сегментами (Fortea Perez 1975).

На Балканах геометризация комплексов эпигравета хорошо заметна на заключительных стадиях позднеледниковья. Так в пещере Франкти трапециевидные изделия удлиненных очертаний с ретушированной верхней основой датированы между 11240 ± 140 и 10260 ± 110 BP (Perlés 1987). Однако здесь «трапеции» представляют собой лишь частный случай типологического ряда, который охватывает и треугольники, и сегменты. При этом, именно первые доминируют. Отдельные трапеции подобного типа присутствуют в похожих комплексах геометрических микролитов, среди которых преобладают сегменты или треугольники в Медена Стиена и Црвена Стиена (Черногория (Mihailović 1999)), а также в Куина Туркулуй и Бэйле Геркулане (Румыния (Păunescu 2000)), Аспрочалико (Греция) и на других синхронных местонахождениях, типологически относящихся, по большей части, к балканскому тардигравету, согласно Я. и С. Козловским (Kozłowski, Kozłowski 1979).

Следовательно, интересно обратить внимание на более северную – перигляциальную зону Центральной Европы, изменив вектор анализа с юго-западного на северо-западный. Здесь, среди инвентаря гамбургской и аренсбургской культурно-исторических общностей, встречаются так называемые острия с уступом – оформленные сочетанием притупленного края и усечения конца, и битронкированные изделия (Kozłowski & Kozłowski 1979).

Отдельное внимание среди культурных групп Центральной Европы привлекает Тишновьен в Чехии и Моравии. Эпонимный памятник Тишнов–Пшедклаштержи (Тишнов–Држинова) был открыт О. Косом. На этой стоянке были обнаружены два неглубоких углубления, которые содержали культурный слой финального палеолита (Klíma 1963; Kos 1971). Расщепление происходило с использованием небольших призматических нуклеусов, которые часто были встречаемыми. Для кремневого инвентаря памятника характерны короткие концевые скребки на сокращенных пластинах и отщепках, короткие двойные скребки, небольшое количество резцов, преимущественно на изломе заготовки. Микролитический комплекс состоит из разнообразных острий, обработанных крутой ретушью и геометризированных форм. Первая группа содержит как изделия с арковидной спинкой, которые иногда напоминают сегменты, так и острия, оформленные сочетанием притупленного края и косого усечения конца широкой пластинки, присутствуют битронкированные изделия с частичной ретушью по верхней основе.

Первый исследованный памятник Тишновьена – Остромерж содержал гравированную гальку, подобно известному украшенному ретушеру со стоянки Рогалик II.

Значительные сходства между индустриями Тишновьена и памятников типа Царинки прослеживаются и в технологии расщепления, и в типологическом составе скребков и резцов. Все же, отмеченное подобие, по-видимому, стоит интерпретировать, прежде всего, как синстадиальное, поскольку не все формы микролитического комплекса Тишнова напоминают микролиты рогаликско-царинковского сообщества. Выразительным отличием между этими двумя комплексами остается присутствие на стоянках Тишновьена острий с арковидной спинкой, в том числе, достаточно типичных «Federmeißer», наряду с отдельными микролитами, которые напоминают треугольники и сегменты (Рис. 4–5).

Интересно заметить, что эпимадленские памятники Чехии и Польши, вопреки распространенной точке зрения, значительно отличаются от стоянок рогаликско-царинковского сообщества – на них широко представлены длинные концевые скребки на пластинах, острия классических форм с притупленной спинкой, костяная индустрия и другие элементы (Oliva 2005), отсутствующие, или мало распространенные на памятниках с трапециями «осоковского типа».

По нашему мнению, степень сходства между индустриями рогаликско-царинковского сообщества и Тишновьена достаточно значительна, чтобы обозначить общее направление поиска аналогий комплексам с «длинными трапециями» Северного Причерноморья – к северу от геометризиремого эпигравета средиземноморской зоны, в Центральную и Восточную Европу. В то же время, позднемадленские и эпимадленские индустрии указанного региона можно исключить из круга параллелей памятникам типа Царинки.

2.2. Памятники типа Белолесье

Стоянка Белолесье была открыта в 1957 г. и в дальнейшем дополнительно исследована и опубликована В.И. Красковским и А.М. Кремером. В 1965–66 и 1977 гг. большая часть памятника была раскопана под руководством В. Н. Станко. В 1991 г. Т.Н. Швайко провела раскопки площади, которая прилегала к исследованному раньше поселению с юго-востока (Станко, Старкин 1991: 2–3). И.В. Сапожников и В.А. Манько в 2003 г. сделали зачистку в северо-западном углу раскопа 1977 г. (Сапожников 2004).

В.Н. Даниленко, В.Н.Станко и Д.Я. Телегин подчеркнули особенность найденного комплекса и искали ему параллели на западе (Даниленко 1969: 56; Станко 1971: 93–110; 1985: 43–44; Телегин 1982: 69–72). А.А. Яневич предложил рассматривать Белолесье как звено в расселении романело-азильского населения из Апеннин к востоку вплоть до Крыма (Яневич 1990). Его взгляды Л.Л. Зализняк посчитал «небессодержательными» (Зализняк 1998: 131). И.В. Сапожников уверенно относит Белолесье к шан-кобинской культуре и к дриасу II – аллереду (Сапожников 2004).

Белолесье расположено на нижней надпойменной террасе старицы р. Сарата. Его географические координаты 45°56'04"N–29°41'08"E. Вся раскопанная площадь достигает 180 кв. м. Планиграфически, на площади стоянки выделены четыре – пять скопления кремня и костей. Стоянка в разное время была описана В.А. Дубняком, Г.И. Ивановым, В.Ф. Петрунем (Станко 1985). Петрографический состав кремневой коллекции установил В.Ф. Петрунь (Петрунь 1971). Палинологический анализ стратиграфического разреза провела Г.А. Пашкевич (Пашкевич 1981). Фауну, которая была собрана на поселении, определила В.И. Бибикова (Бибикова 1985).

Хронология стоянки получила достаточно противоречивые оценки. По мнению В.Ф. Петруня седименты, содержащие культурный слой в раскопках 1965–66 гг., сформировались в позднеледниковый период (Петрунь 1971). Г.А. Пашкевич указала, что растительность, реконструированная по пыльце, происходящей из культурного слоя стоянки, схожа с флорой пребореала (Пашкевич 1981). Единственная радиоуглеродная дата была сделана по образцу кости, которую обнаружили И. В.Сапожников и В.А. Манько в зачистке на Белолесье в 2003 г. В.А. Манько любезно сообщил ее датировку: Ki–10886, 8900±190 BP. После калибровки понятно, что дата относится к раннему бореалу : 8550–7550 Cal BC (26) (Stanko, Kiosak 2007).

Типология коллекции опубликована достаточно полно. Микролитический комплекс представлен в первую очередь разными вариантами сегментов: от удлиненных, обработанных грубой крутой ретушью, до небольших мелко ретушированных на тонких заготовках. Также к микролитам могут быть отнесены острия с арковидной спинкой, трапеция с ретушированной верхней основой, подобный треугольник, несколько пластинок, с усеченными концами. Скрепки значительно преобладают над резцами и представлены, как правило, короткими формами, часто – подокруглые и округлые (Станко 1985; Stanko, Kiosak 2007).

В процессе раскопок 1965–66 гг. В. Н. Станко отметил, что некоторые артефакты были найдены выше культурного слоя стоянки, и предположил наличие небольшой позднемезолитической примеси (Станко 1971: 95). Недавно И.В. Сапожников сформулировал свою интерпретацию стратиграфии памятника. По его мнению, в Белолесье присутствуют три слоя. Верхний представляет собой разные фазы развития шан-кобинской культуры и может быть сопоставлен с беллингом или дриасом II (основной культурный слой) и аллередом (верхний). Нижний слой можно отнести к эпиграветской культурной традиции и может быть сопоставлен с дриасом I (Сапожников 2004).

Детальное изучение шифров на кремневых артефактах и полевой документации позволило сделать несколько выводов. Не существует типологической разницы в зависимости от глубины залегания. К примеру, удлиненные, грубого вида сегменты встречаются в раскопах 1977 г. как на глубине 0,4–0,52 м, так и на глубине 0,7–0,8 м. С.А. Дворянинов, осуществлявший раскопки в 1977 г., неоднократно отмечал в своем полевом дневнике, что между разными уровнями залегания находок отсут-

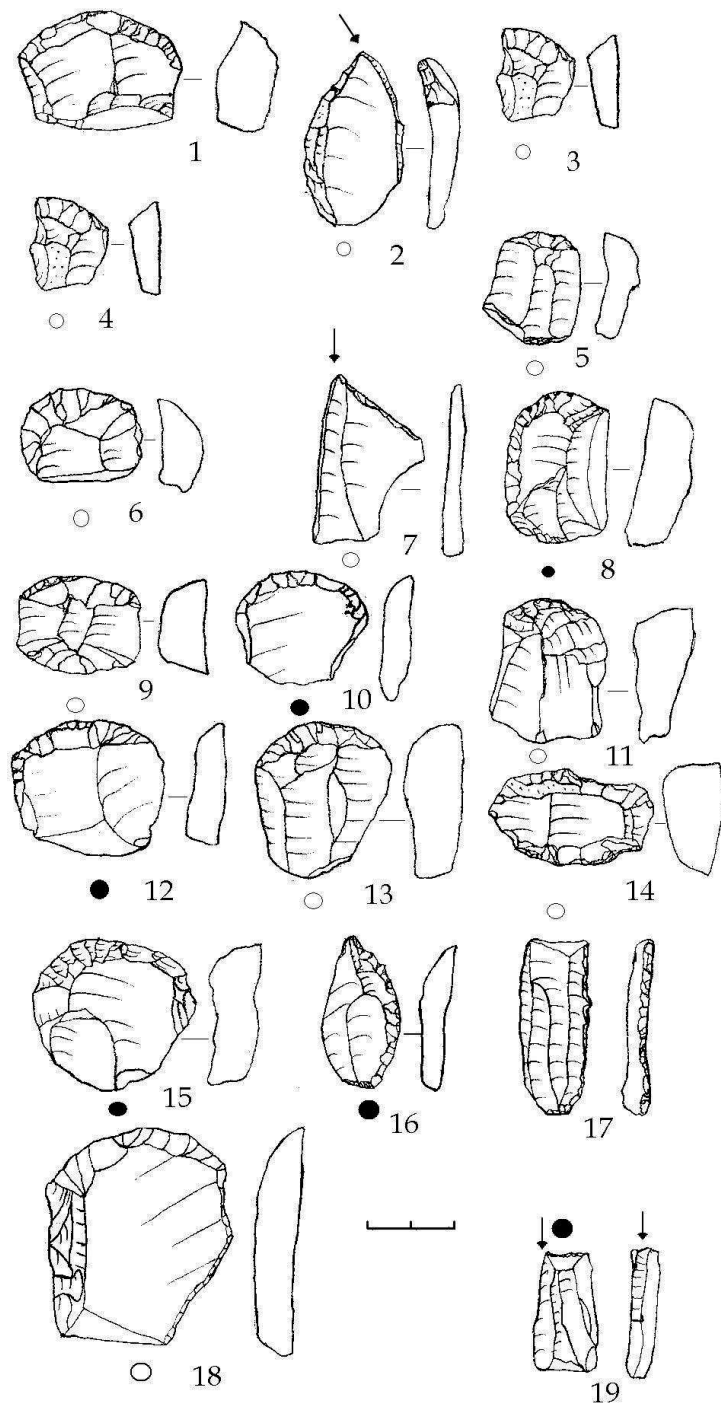

Рис. 4. Тишнов. Кремневый инвентарь.

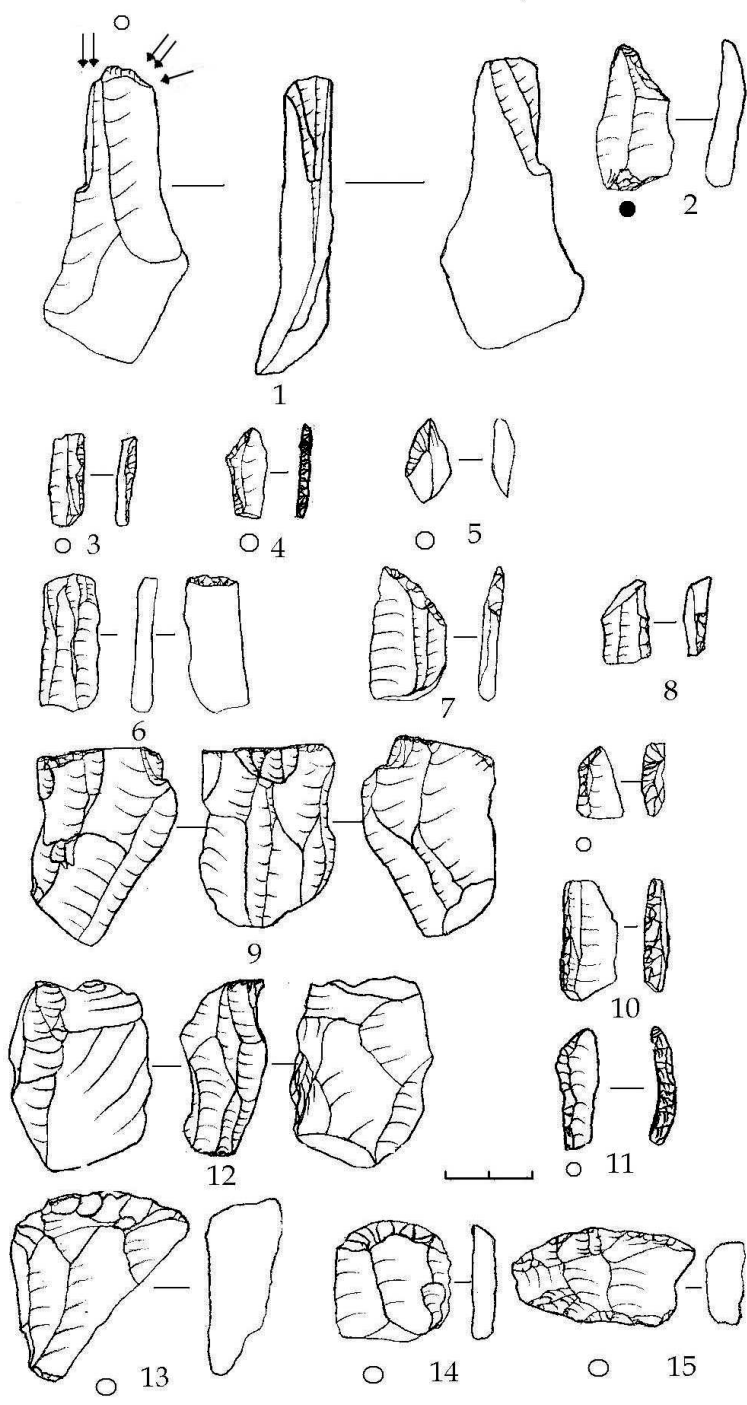

Рис. 5. Тишнов. Кремневый инвентарь.

ствуют стерильные прослойки, а нижняя граница распределения кремня – 0,8 м (Дворянинов 1977б). Изучение планов раскопок 1977 г. показало, что на тех участках, где фиксировалась глубина залегания кремня (раскоп 2) соотношение кремня с разной глубины было следующим: 84% – 0,4–0,6 м, 15% – 0,6–0,8 м, 1% – 0,7–0,85 м (Дворянинов 1977а).

Таким образом, нет оснований предполагать наличие здесь нескольких культурных слоев. Речь может идти о некотором позднем обитании на территории стоянки, которое не привело к созданию отдельного горизонта отложений, по крайней мере, в западной части раскопанной площади. Проблематичной остается интерпретации разной глубины залегания находок в западных и восточных частях памятника. Возможно, залегание большей части находок на глубине 0,7–0,8 м на раскопе 1965–66 гг. объясняется наличием в восточной части раскопанной площади углубления, которое было заполнено суглинком оливкового цвета.

Еще три небольших местонахождения из Дунайско–Днестровского междуречья (Когильник, Белолесье IV и Кантемир) гипотетически были отнесены к памятникам типа Белолесье. Коллекция Кантемира не имеет никаких хронологически определяющих элементов и вряд ли может быть отнесена с определенностью ко времени раннего мезолита вообще.

Ближайшие аналогии стоянке Белолесье могут быть найдены в материалах тардигравета Балкано–Дунайского региона. Последнему присущи выразительные микролитические комплексы с хорошо выраженным геометрическим компонентом. Если в целом подобие индустрий Белолесья и тардиграветских стоянок не может быть поставлено под сомнение, то поиск прямо связанных комплексов составляет дискуссионную проблему. Еще Д.Я. Телегин указал, что кремневый инвентарь Белолесья очень близок к романело–азильской группе с территории Румынии (Телегин 1982: 70). И в самом деле, целый ряд общих черт сближают Белолесье и стоянки Железных Ворот, такие как Куина Туркулуй и Бэйле Геркулане.

Новые публикации индустрий этих двух памятников позволяют уточнить как датирование, так и общий состав инвентаря указанных тардиграветских памятников (Păunescu 2000: 130–141). По времени оба горизонта Куина Туркулуй предшествуют Белолесью (12650±120 BP, 13300–12300 calBC, 12100±120 BP, 12350–11700 calBC, 10175±200 BP, 10700–9200 cal BC). Они, несомненно, формируются на основе эпигравета, представляя его завершающую фазу на Балканах, а их индустриальные комплексы содержат значительное количество «собственно» эпиграветских форм: микропластинок с притупленным краем, микроострий с косо усеченной основой, арковидных острий, и мелких острий граветского типа. Подобный комплекс в Белолесье слабо выражен. В то же время, присутствие в двух горизонтах Куина Туркулуй разного типа сегментов, единичных трапеций, с верхней ретушированной основой, треугольников, прямоугольников, и резцов, а также скребков, на массивных пластинах и отщепках, сближает эти комплексы и позволяет допускать их генетическое родство. Таким образом, стоянка Белолесье являет собой более развитой комплекс, чем верхний слой Куина Туркулуй. Это дает возможность полагать, что она существовала позже последнего, что находится в соответствии с интерпретацией этого важного памятника, предложенной В.Н. Станко.

На стоянках Кагильник и Белолесье IV присутствуют отдельные трапеции с ретушированной верхней основой. Поскольку такие трапеции постоянно встречаются на стоянках тардигравета Балкан и присутствуют в комплексе Белолесья, нет

оснований предполагать, что два указанных памятника типологически выпадают из круга комплексов типа Белолесья.

3. Поздний мезолит Северо-Западного Причерноморья

3.1. Кукрекско–гребениковская дилемма

Гребениковская культура позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья была впервые выделена в 1967 г. на материалах памятников Нижнего Поднестровья. Ей присущи плоские призматические нуклеусы, большое количество правильных геометрической формы фрагментов пластинок и трапеции. Генезис этой культуры В.Н. Станко связывает с памятниками типа Царинки (Станко 1986). В последнее время, в археологической литературе появились и другие гипотезы, которые связывают формирование индустрии типа Гребеников с миграцией населения с территории Балкан (Зализняк 2005б). Судьба гребениковской культуры рассматривается в двух аспектах. В.Н. Даниленко видит продолжение традиций гребениковской культуры в индустрии памятников буго-днестровской неолитической культуры (Даниленко 1969). Эта концепция поддержана большинством современных исследователей неолита Украины (Д.Л. Гаскевич, Л.Л. Зализняк, Н.Н. Котова, В.А. Манько, Н.С. Титова, М.Т. Товкайло и др.).

В то же время, формировалось представление о позднемезолитических памятниках без геометрического компонента. Их обнаружили на Южном Буге (Синюхин Брод, Абузова Балка, Концеполь) и в Буджаке (Зализничное и Траповка). Для них характерны конические и карандашеподобные нуклеусы, вкладыши кукрекского типа, специфические резцы на отщепах и острия, оформленные сочетанием крутой краевой ретуши и косоугольного усечения (острие абузовского типа). Они напоминали известные стоянки кукрекской культуры (Станко 1982: 117–118; Телегин 1982: 101). Впоследствии такие памятники были объединены в анетовскую мезолитическую культуру.

Культуро-определяющие изделия обеих групп стоянок были обнаружены вместе на поселении Мирное, раскопанном В.Н. Станко в 1969–1976 гг. Со временем все увеличивался перечень памятников, где были найдены артефакты обеих культур. В 1997 г. С.И. Коваленко указал, что даже на эпонимном памятнике Гребеники, наряду со значительным количеством карандашевидных нуклеусов присутствуют и пластинки с подтеской, похожие на кукрекские вкладыши (Коваленко, Кетрару 1997; Коваленко, Цой 1999). Таким образом, «чистых» комплексов на сегодня почти не известно. Как же интерпретировать такую неопределенную ситуацию территориально хронологического сосуществования двух достаточно отличных типологически явлений, или кукрекско-гребениковскую дилемму?

Согласно В.Н. Станко, процесс распространения гребениковской и кукрекской общностей сопровождался взаимодействием между ними, а двухкомпонентные стоянки – результат жизнедеятельности синкретических обществ, которые совмещали в своем составе носителей обеих культурных традиций (Станко 1982; 1991; 1997). По А.Н. Сорокину это явление – результат процессов механической смеси материалов двух отдельных культур, которые, скорее всего, были одновременными (Сорокин 2006). Д.Ю. Нужный и А.А. Яневич считали, что гребениковцы и кукрекцы имели отличные стратегии ведения хозяйства, а, следовательно, занимали разные экологические ниши (Нужный, Яневич 1987). Эту точку зрения разделял и развивал Л.Л. Зализняк (Зализняк 1998). И.В. и Г.В. Сапожниковы склонны считать преимуще-

ственно гребениковские памятники ранними, смешанные – такими, которые занимают промежуточное хронологическое положение, а преимущественно кукрекские – поздними в пределах мезолита в целом (Сапожников, Сапожникова 2005).

В условиях слабой обеспеченности позднего мезолита Северо-Западного Причерноморья абсолютными датировками, дискуссия не может завершиться окончательным выводом. Радиоуглеродные датировки известны для поселений Гиржево и Мирное (Рис. 6).

Четыре радиоуглеродных определения поселения Гиржево охватывают достаточно значительный промежуток времени (6440–5650 calBC). Два из них было сделано по органическим включениям в обломках раннеолитической керамики. Они ставят под сомнение традиционную мезолитическую атрибуцию остальных дат.

Недавно были получены четыре новые радиоуглеродные даты для опорного памятника мезолита Южной Украины – поселения Мирное. Всего было отобрано в качестве материала для радиоуглеродного анализа четыре кости. Одна из них принадлежала туру (*Bos primigenius*), две – коню и последняя – ближе не определенному большому копытному. Отбор образцов осуществлялся таким образом, чтобы представлены были как зоны с преобладанием кукрекского инвентаря, так и гребениковские комплексы. Калибрование было осуществлено в программе OxCal 4.09. В целом, даты охватывают промежуток времени от 7590 до 7170 годов calBC (2y). Все они относятся к позднему эпизоду бореального периода голоцена. Вышеупомянутые определения указывают на достаточно ранний (бореальный) возраст новой технологии откалывания регулярных пластинок. Учитывая, что два образца происходят из гребениковской зоны стоянки, можно допустить и соответствующий возраст для микролитических симметричных трапеций, характерных для гребениковской культуры. Таким образом, можно сформулировать гипотезу о том, что обе составляющие инноваций заключительного этапа среднекаменного периода (отжимная техника и наконечники стрел-трапеции) проявляются в Северо-Западном Причерноморье в более раннее время, нежели на территориях остальной Южной Европы. Безусловно, это предположение нуждается в проверке как путем дополнительных датировок поселения Мирное, так и радиоуглеродного анализа образцов из других поселений. Тем не менее, оно находится в соответствии с идеями относительно хронологии мезолита Украины, выраженными В.Н. Станко и Д.Я. Телегиним (Станко 1982; Телегин 1982).

3.2. Северо-понтический тарденуаз

Румынские исследователи считают, что на территории от Карпат до Прута, так же как в Добруджи и Мунтении в пребореале продолжалось развитие эпиграветской «культуры» – так называемый эпипалеолит (Păunescu 1984: 244). Потому, в бореале и в начале атлантикума здесь распространяются стоянки «северо-западного причерноморского тарденуаза». Им присуща значительная общая микролитизация кремневого инвентаря, сохранение нескольких эпиграветских черт и наличие трапеций. Граница между этими двумя главными этапами развития материальной культуры, проведенная на основании типологических наблюдений, стратиграфических и палеоклиматических сведений где-то в границах пребореала (Păunescu 1984). Абсолютными датами их хронология обеспечена слабо. Известна лишь одна дата для поселения Ербичень (7400–6200 calBC [Păunescu 1984]). Упомянуты несколько слишком молодых дат для стоянки Лапош (Păunescu 2000: 128–130). Прямые параллели тар-

денуазскому комплексу А. Пэунеску видит в запрутских стоянках Фрумушика, Гребеники, Варваровка IX, Саратени, Гиржево, Мирное, Познанка, Орловка, (Păunescu 1993: 209).

Большинство отечественных исследователей были согласны с таким сравнением. Далее всех этим путем пошли И.В. и Г.В. Сапожниковы, которые прямо включили памятники Румынии в свою периодизационно-хронологическую схему мезолита и неолита Северо-Западного Причерноморья (Сапожников, Сапожникова 2005).

По нашему мнению, полностью признавая правильность указанных параллелей, можно хотя бы в гипотетическом плане уточнить их, опираясь на новые публикации материалов стоянок северо-понтийского тарденуаза. Речь идет, прежде всего, об исключительном своей полнотой труде А. Пэунеску (Păunescu 1998; 1999; 2000) и обзорной критической статье А. Боронянц (Boroneanț 2005).

Прежде всего, заметим, что в качестве аналогий румынским памятникам приводились как преимущественно гребениковские, так и преимущественно кукрекские стоянки. На какое же именно сообщество более похож северо-понтийский тарденуаз? Имеет ли место кукрекско-гребениковские сосуществование и по ту сторону Прута? Анализ указанных новых публикаций свидетельствует по большей части в пользу позитивного ответа на последний вопрос.

Румынские исследователи преимущественно пользуются тип-листом Ж. Розуа, а потому не выделяют в отдельные группы кукрекские вкладыши, резцы кукрекского типа и абузовские острия. Прямая проверка наличия элементов негеометрического позднего мезолита на румынских стоянках невозможна. Все же интерпретация типологических описаний и рисунков артефактов позволяет допускать, что кукрекско-гребениковская дилемма имеет место и для северо-понтийского тарденуаза. В частности, на стоянках последнего сериями представлены конические и карандашеподобные нуклеусы; отдельные изделия, отнесенные А. Пэунеску к типу пластинок с притупленным краем и усечением, напоминают абузовские острия. Некоторые пластины с альтернативной ретушью А. Пэунеску похожи если не на кукрекские вкладыши, то на близкие им «прорезыватели» В.Н. Даниленко (Рис. 7).

В этом контексте привлекает внимание комплекс стоянки Албешть (Добруджа). Собранный на поверхности, он включает 444 артефакта, из которых более 100 ретушированных изделий. При этом коллекция не содержит ни одного геометрического микролита. Зато присутствуют конический нуклеус правильной формы, пластинки с усеченным концом и притупленным краем, изделия на отщепках с несколькими резцовыми сколами, которые служили площадками для снятия друг друга, толстые сечения пластинок с альтернативной ретушью. Безусловно, нельзя постулировать контакты длиной в несколько сотен километров на основании сходства местонахождений, представленных лишь подъемным материалом. Тем не менее, представляется вероятным сходство структурной позиции негеометрического комплекса Албешть и негеометрического позднего мезолита Юго-Западной Украины в системе древностей соответствующих регионов.

Таким образом, если большинство стоянок северо-понтийского тарденуаза имеют лучше выраженный геометрический компонент, а, следовательно, скорее напоминают гребениковские памятники, то все же на многих из них есть и негеометрический комплекс, близкий негеометрическому позднему мезолиту Северо-Западного Причерноморья.

Культурно-хронологическое деление северо-понтийского тарденуаза достаточно слабо разработано. А. Боронянц предлагает различать три отдельных региональ-

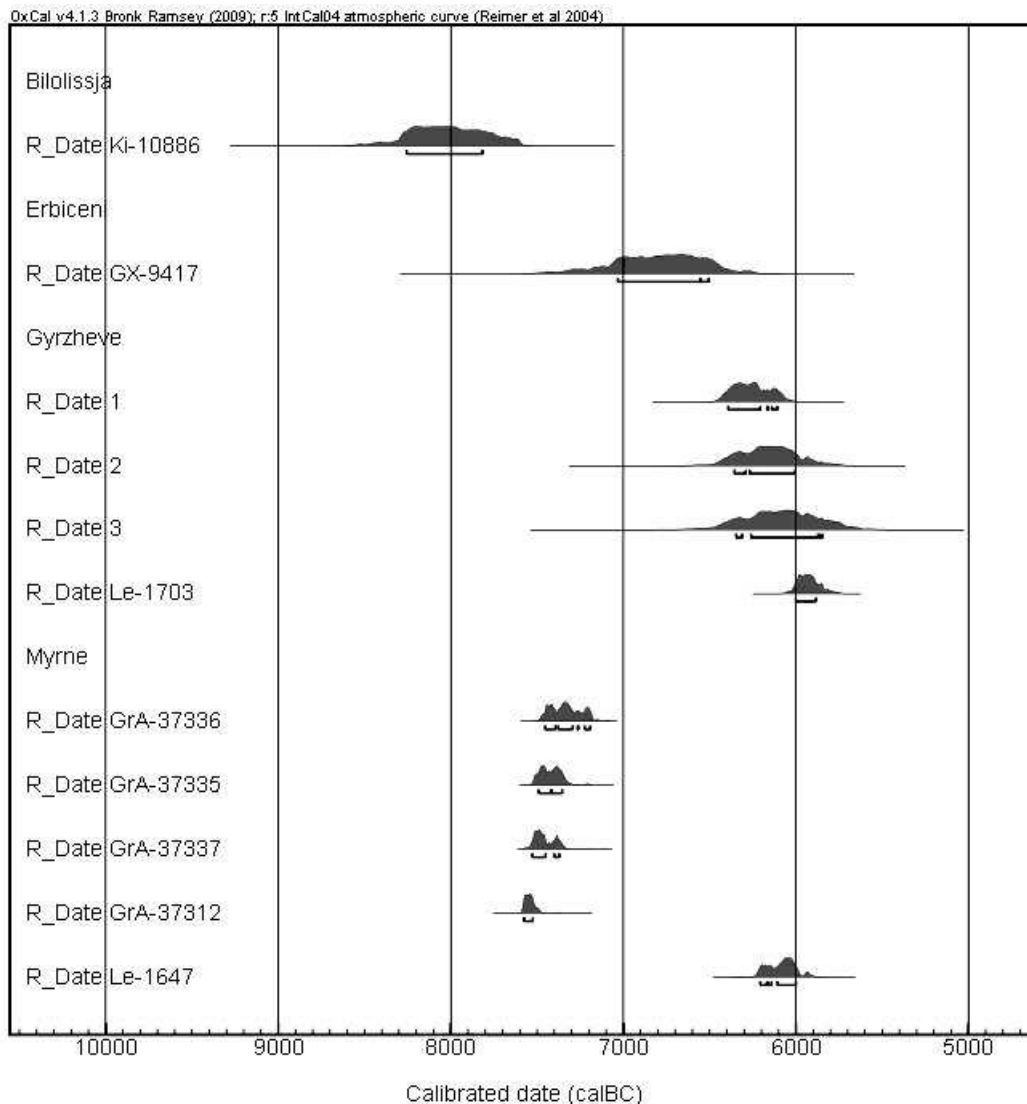

Рис. 6. Калибрование радиоуглеродных дат стоянок Карпато-Днестровского пространства.

ных группы: стоянки Северной Молдовы (Рипичень-Извор, Ербичень), памятники Добруджи и Южной Молдовы (Куза-Водэ, Беняса, Берешти, Меджидия), ряд местонахождений в Мунтении (Лапош, Ларгу). Типологические отличия между ними прослеживаются слабо. Предварительно можно ставить вопрос, какая из этих региональных групп ближе стоянкам Юго-Западной Украины. Комплекс стоянки Лапош был выделен типологически из более раннего позднепалеолитического инвентаря, который преобладает на этом памятнике (Păunescu 2000). Поэтому он и выглядит очень «чистым» типологически (Сапожников, Сапожникова 2005). Безусловно, таким образом выделенный комплекс мало пригоден для сравнений и поиска анало-

гий, а материалы нескольких пунктов около Ларгу не достаточно многочисленны, чтобы быть выразительными. Две же других группы представлены выразительными коллекциями, которые происходят как из раскопок, так и из полевых сборов. Если на стоянках Северной Молдовы представлен выразительный «тардиграветский компонент»: острия типа микрогравет, пластинки, с притупленным краем, удлиненные сегменты, трапеции с ретушированной верхней основой, то инвентарь памятников Добруджи и Южной Молдовы выглядит более развитым и микролитическим. Именно последние комплексы больше напоминают поздний мезолит Буджака и Нижнего Поднепровья.

3.3. Проблемы распространения отжимной техники и микролитических трапеций.

В большинстве регионов Южной и Центральной Европы начало позднего мезолита связывается с выразительным поворотом в технологии расщепления кремня и с изменениями в типологии комплексов. Самым ярким свидетельством последнего является распространение микролитических симметричных трапеций. Также появляется новая технология, ориентированная на производство тонких правильных призматических пластинок. До недавнего времени господствовала убежденность, что речь идет о появлении отжимной техники расщепления. Последними работами французских экспериментаторов доказано, что подобные пластинки и похожая огранка нуклеусов могут быть получены и путем использования посредника и отбойника. Поэтому, вопрос о точном определении природы этой техники остается открытым на сегодня. Тем не менее, ее возникновение вызвало за собой радикальную перестройку в отрасли изготовления кремневых орудий труда. Это явление преимущественно наблюдалось в Южной Европе в начале атлантического периода голоцена (Kozłowski & Kozłowski 1984b; Kozłowski 1989). Этот переход, в частности, зафиксирован в Северо-Восточной Италии, в многослойных гротах долины р. Адиге (Broglio, Kozłowski 1984). Вопрос происхождения новой технологии расщепления, изготовления и использования трапеций-вкладышей до сих пор не нашел исчерпывающего решения. Однако подавляющее большинство авторов согласны с ее быстрым распространением и почти одновременным появлением во всей Южной и Западной Европе. Так, в частности, новая технология трапециевидных симметричных наконечников стрел, образованных двумя полностью ретушированными косыми усеченными краями появляется в Северной Италии в самом конце бореала в слоях совтерского технокомплекса. В то же время, мы имеем основания допускать, что в мезолите Северо-Западного Причерноморья они, по-видимому, существовали в развитой форме еще за 3–5 веков до того.

Интерпретация

Таким образом, поворотные моменты в развитии материальной культуры обитателей Юго-Восточной Европы в XI – в начале VI тыс. до н.э. были связаны с процессами внедрения технологических инноваций. Механизм появления новых технологий еще не до конца выяснен. Предварительно можно допускать, что определенную роль в стремительности распространения инновационных изделий играла высокая мобильность рыболовов, охотников и собирателей. В качестве предварительной гипотезы можно предложить рассмотреть и роль социального фактора. По новейшим этнографическим исследованиям, общество охотников, собирателей и рыбалок,

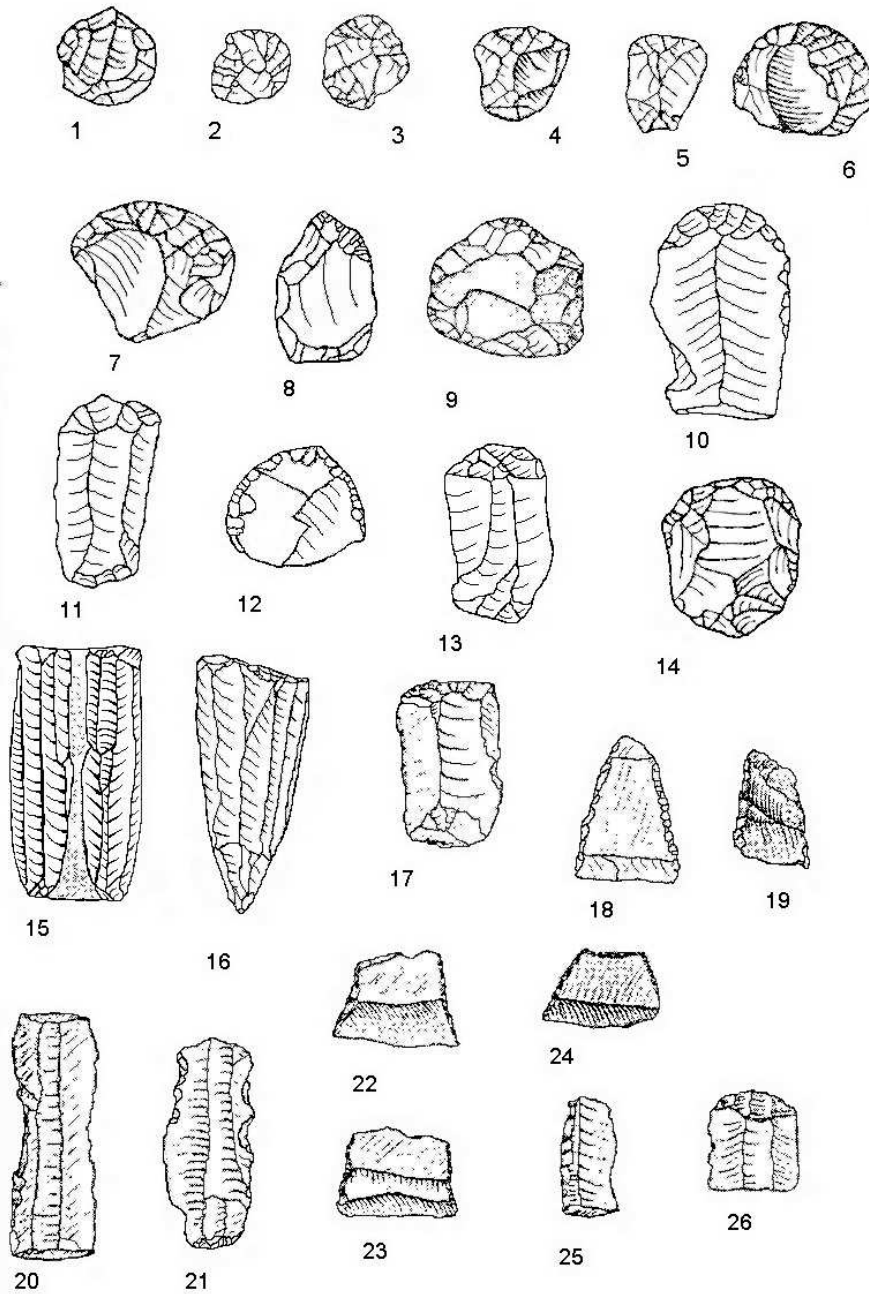

Рис. 7. Северо-понтический гарденуаз Северной Молдовы. Кремневый инвентарь (по: Păunescu 1993).

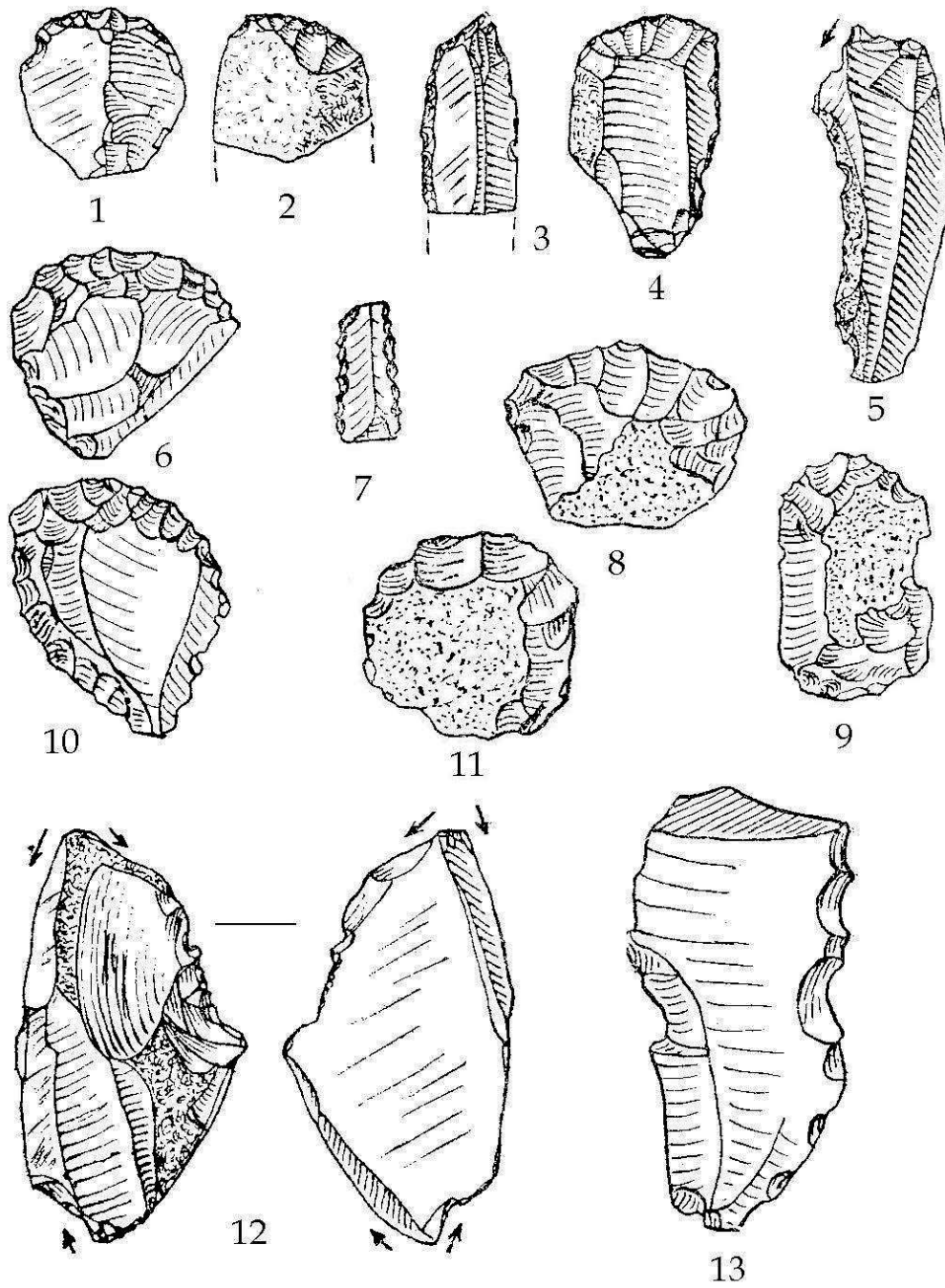

Рис. 8. Албешть. Кремневый инвентарь
(по: Păunescu 1999).

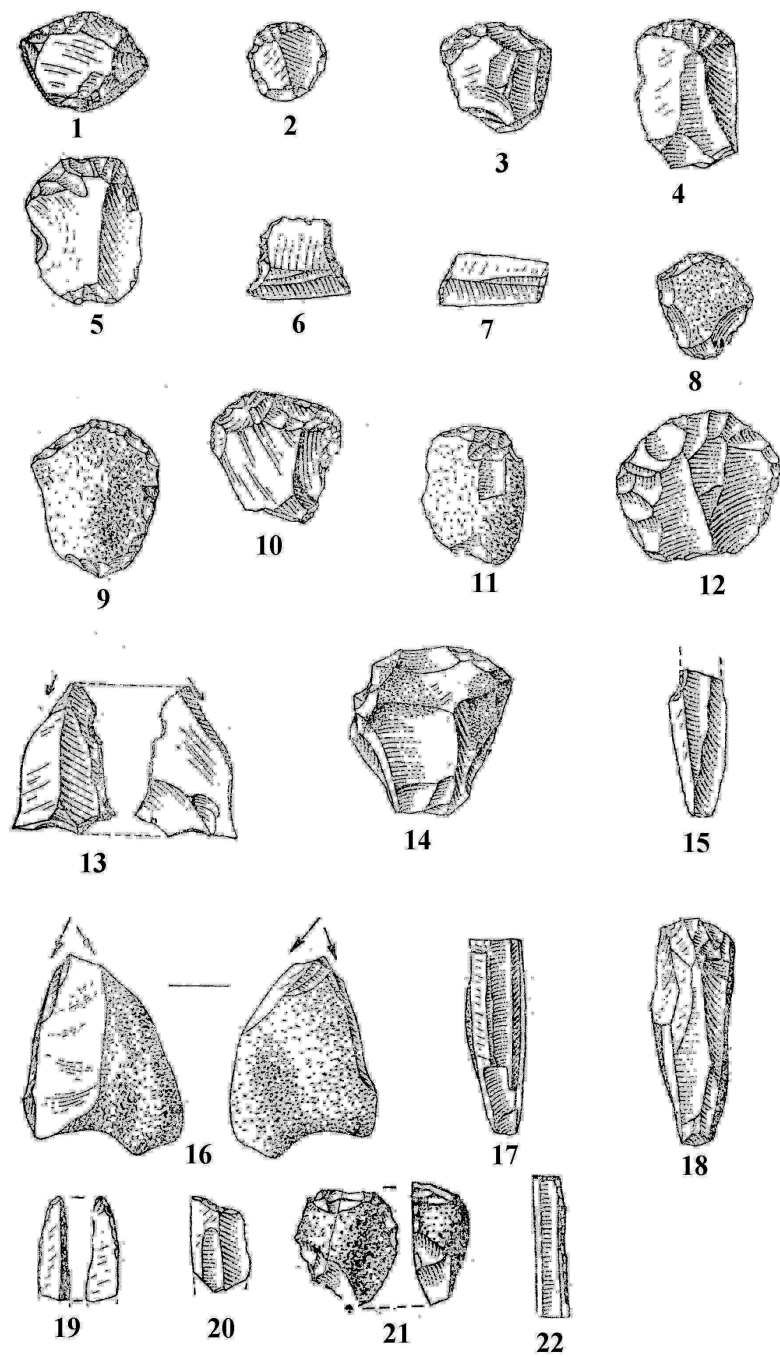

Рис. 9. Северо-понтический тарденуаз Добруджи. Кремневый инвентарь (по: Rădulescu 1999).

можно представлять как определенную сеть контактов, обусловленных семейными связями. Границы отдельных общин не были четко зафиксированными. Отдельные семьи могли передвигаться вместе с локальными группами, которые принадлежали к разным общинам, но с членами которых их связывали семейные отношения. Каждая из общин не имела четких территориальных границ, будучи связанной с соседями через такие «семьи–медиаторы». Это обеспечивало более эффективное использование кормовой территории и, в частности, могло способствовать стремительному распространению информации. Этот механизм, по нашему мнению, мог играть некоторую роль в процессах внедрения инновационных изменений в изучаемом регионе. По крайней мере, его следует рассматривать как рабочую гипотезу наряду с традиционными миграционными и диффузионными объяснениями.

ЛИТЕРАТУРА и архивные материалы

- Бадер Н.О. 1984. Поздний палеолит Кавказа. Палеолит СССР. М.
- Бибикова В.И. 1985. Охотничий промысел в палеолите и мезолите Северного Причерноморья // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 181.
- Борисковский П. И. 1953. Палеолит Украины // МИА. № 40.
- Горелик А.Ф. 2001. Памятники Рогаликско-Передельского района// Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев-Луганск.
- Григорьева Г.В. 1982. Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами на Юге Русской равнины // Тезисы 11 конгресса INQUA. № 3.
- Даниленко В.Н. 1969. Неолит Украины: Главы древнейшей истории Юго-Восточной Европы. К.
- Дворянинов С.А. 1977а. Белолесье, 1977. План раскопа на участке кв. А-Г 20–23// Научный архив ОАМ НАНУ.
- Дворянинов С.А. 1977б. Дневник палеолитического отряда Дунай-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР 1977 г. // Научный архив ОАМ НАНУ. Инв. № 19.
- Залізник Л.Л. 1995. Фінальний палеоліт України // Археологія. № 1.
- Залізник Л.Л. 1998. Передісторія України X–V тис. до н.е. К.
- Залізник Л.Л. 2005а. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація. К.
- Залізник Л.Л. 2005б. Чорноморський потоп та його археологічні наслідки // Археологія. № 3.
- Коваленко С.И. Цой В. Б., 1999. К вопросу о развитии позднемезолитических индустрий в Карпато-Днестровском регионе // *Stratum plus*. № 1. СПб. – Кишинев – Одесса.
- Коваленко С.И. Кетрару Н. А., 1997. Новые данные о мезолитической стоянке Саратены в Нижнем Попрутье// *Vestigii arheologice din Moldova. Chişinău*.
- Коробкова Г.Ф. 1989. Предпосылки сложения производящего хозяйства в Северо-Западном Причерноморье. Первобытная археология: материалы и исследования. К.
- Котова Н.С. 2002. Неолитизация Украины. Луганск.
- Крижевская Л.Я. 1992. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб.
- Нужный Д.Ю. 1986. О сложении мезолита в днепровском Надпорожье. Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.
- Нужный Д.Ю. 1992. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. К.
- Нужный Д.Ю. Яневич А. А., 1987. О хозяйственной интерпретации памятников кукрекской культурной традиции // КСИА. № 189.
- Оленковский Н.П. 1991. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра. Херсон.

- Пашкевич Г.А. 1981. Динамика растительного покрова Северо-Западного Причерноморья в голоцене, его изменения под влиянием человека. Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.
- Петрунь В.Ф. 1971. О геологической позиции и обработанном кремне мезолитической стоянки Белолесье // МАСП. № 7.
- Сапожников И.В. 2004. Многослойная стоянка Михайловка (Белолесье): проблемы стратиграфии и датировки // ССПіК. № XI.
- Сапожников І.В. Сапожникова Г. В., 2005. Хронологія поселень та культурна послідовність мезоліту-неоліту Північно-Західного Причорномор'я // Кам'яна доба України. № 7.
- Сорокин А.Н. 2006. Проблемы мезолитоведения. М.
- Станко В.Н. 1971. Мезолит Днестро-Дунайского междуречья // МАСП. № 7.
- Станко В.Н. 1972. Типы археологических памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья // Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 185.
- Станко В.Н. 1980. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья// Первобытная археология – поиски и находки. К.
- Станко В.Н. 1982. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. К.
- Станко В.Н. 1985. К проблеме западных связей мезолита Северного Причерноморья (по материалам поселения Белолесье)// Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К.
- Станко В.Н. 1986. К проблеме сложения гребениковской культуры// Исследования по археологии Северного Причерноморья. К.
- Станко В.Н. 1991. Культурно-исторический процесс в мезолите Северо-Западного Причерноморья// Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. К.
- Станко В.Н. 1997. Эпоха мезоліту // Давня історія України. К. Т. 1.
- Станко В.Н., Старкин А.В. 1991. Отчет о работе Причерноморской экспедиции в 1991 году // Научный архив Института археологии НАНУ.
- Телегін Д.Я. 1982. Мезолітичні пам'ятки України (IX–VII тис. до н. е.). К.
- Телегін Д.Я. 1985. Памятники эпохи мезолита на территории УССР (Карта местонахождений). К.
- Цалкин В.И. 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. МИА № 161.
- Шнирельман В.А. 1980. Происхождение скотоводства. М.
- Щукин М.Б. 2004. Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена, римского времени, и сарматской археологии// Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.
- Яневич А.А. 1990. К проблеме западных генетических связей раннего мезолита горного Крыма// Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья (К столетию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. юбилейной конф. Херсон.
- Bailey G. 1997. The Klithi Project: History, Aims and Structure of Investigations. // Klithi: Paleolithic settlement and Quaternary landscapes in northwest Greece. G. Bailey. Cambridge, McDonald Institute for Archaeological Research. vol. 1.
- Barbaza M. 1999. Les civilisations postglaciaires. La vie dans la grande forêt tempérée. Paris.
- Basler D. 1979. Paleolititske i mezolititske regije i kulture u Crnoj Gori. // Praistoria jugoslavenkih zemalja. Paleolitisko i mezolitisko doba. Sarajevo.
- Benac A. 1957. Crvena Stijena-1955 (I–IV stratum) // Glasnik Zemaljskog Muzeja u Sarajevu. vol. 12.
- Biagi P. Starnini E., et al., 1993. The Late Mesolithic and Early Neolithic settlement of northern Italy: recent consideration // Poročilo o raziskovanju paleolita, neolita in eneolita v Sloveniji. vol. 21.
- Bonsall C. Cook G., et al., 2004. Radiocarbon and stable isotope evidence of dietary change from the Mesolithic to the Middle Ages in the Iron Gates: new results // Radiocarbon. vol. 46(1).

- Bonsall C. Cook G., et al., 2000. Stable Isotopes, radiocarbon and the Mesolithic-Neolithic transition in the Iron Gates // *Documenta Praehistorica*. vol. 27.
- Borić D. 2002. The Lepenski Vir conundrum: reinterpretation of the Mesolithic and Neolithic sequences in the Danube Gorges // *Antiquity*. vol. 76.
- Borić D. Miracle P., 2004. Mesolithic and Neolithic (dis)continuities in the Danube Gorges: new AMS dates from Padina and Hajdučka Vodenica (Serbia) // *Oxford Journal of Archaeology*. vol. 23(4).
- Boroneanț V. 1980. Probleme ale culturii Schela Cladovei – Lepenski Vir in lumina noilor cercetari // *Drobeta*. vol. 4.
- Boroneanț V. (1999). "The Mesolithic Habitation Complexes in the Balkans and the Danube Basin. Living Past 1." Retrieved 01.09, 2008, from <http://cimec.cilea.it/livingpast/nr1/boroneant/mesolithic.htm>.
- Broglio A. 1980. Culture e ambienti della fine del Paleolitico e del Mesolitico nell'Italia nord orientale // *Preistoria Alpina*. vol. 16.
- Cannarella D. 1968. Il Carso. Invito alla conoscenza della sua preistoria, della sua storia, delle sue bellezze. Trieste.
- Cohen V. 1999. The Population of South-Russian Plain after the maximum of the second pleniglacial // *Folia Quaternaria*. vol. 70.
- Cook G. T., Bonsall C., et al., 2002. Problems of dating human bones from the Iron Gates // *Antiquity*. vol. 76.
- Dalmeri G., Ferrari S., et al., 2004. Rise and fall in the utilization of the trapezoidal microlithes during the late Upper Paleolithic in Europe – an overview from the Italian record. // *Hunters in a changing world*. Rahden.
- Fortea Perez J. 1975. L'Epipaleolithique du littoral mediterraneen espagnol. // *L'Epipaleolithique Mediterraneen. Colloque international. Aix-en-Provence. Juin 1972. Aix-en-Provence*.
- G.E.E.M. 1969. Epipaleolithique-Mesolithique. Les microlithes geometriques // *Bulletin de la Societe prehistorique francaise*. vol. 66.
- Klima B. 1963. Epipaleoliticka kamenna industrie z Tisnova // *Anthropozoikum*. vol. 1.
- Kos O. 1971. Die Grabung auf der spatpalaolithischen Station Tisnov in den Jahren 1966 und 1967 // *Acta Musei Moraviae*. vol. 56.
- Kotsakis K. 2003. From the Neolithic side: the Mesolithic/Neolithic interface in Greece. // *The Greek Mesolithic*. London.
- Koumouzelis M., Kozłowski J., et al., 2003. Mesolithic finds from Cave I in the Klisoura Gorge, Argolid. // *The Greek Mesolithic*. London.
- Kozłowski J., Kozłowski S. 1979. Upper Palaeolithic and Mesolithic in Europe: taxonomy and palaeohistory. Krakow.
- Kozłowski J., Kozłowski S. 1984. Chipped stone industries from Lepenski Vir, Yugoslavia // *Preistoria Alpina*. vol. 19.
- Kozłowski J. K., Kozłowski S. K. 1984. Le Mesolithique a l'est des Alpes // *Preistoria Alpina*. Vol. 19.
- Kuzmina Y. Y. 2000. Origins of pastoralism in the steppes of Eurasia. Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the Symposium to be held 12.01–16.01 2000. Cambridge. vol. III.
- Laplace G. 1964. Essai de la typologie systematique. Ferrara.
- Mihailović D. 1999. The Upper Paleolithic and Mesolithic stone industries of Montenegro. // *The Palaeolithic archaeology of Greece and adjacent areas*. London.
- Oliva M. 2005. Civilizace Moravskeho Paleolitu a Mezolitu. Brno.
- Păunescu A. 1984. Cronologia paleoliticului și mezoliticului din România on contextul paleoliticului central-est și sud european // *Studii și cercetari de Istorie Veche*. vol. 35 (3).
- Păunescu A. 1993. Ripiceni-Izvor. Paleolitic și mezolitic. Studiu monografic. București.
- Păunescu A. 1999. Paleoliticul și mezoliticul de pe teritoriul Dobrogei. București.

- Păunescu A. 2000. Paleoliticul și mezoliticul din spațiul cuprins între Carpați și Dunăre. București.
- Perles C. 1987. Les industries lithiques taillées de Franchthi (Argolide, Grece). Bloomington, Indianapolis.
- Perles C. 1990. Les Industries lithiques taillées de Franchthi (Argolide, Grece). Les Industries du Mesolithique et du Neolithique. Bloomington & Indianapolis.
- Perles C. 2003. An alternate (and old-fashioned) view of Neolithisation in Greece // *Documenta Praehistorica*. vol. 30.
- Radovanović I. 1996. The Iron Gates Mesolithic. Ann Arbor, University of Michigan Press.
- Sampson A., Kozłowski J., et al., 1998. Entre l' Anatolie et les Balkans: une sequence mesolithique-neolithique de l' ile de Youra (Sporades du Nord). // *Prehistoire de l' Anatolie, Genese de deux mondes*. Liege.
- Sampson A., Kozłowski J., et al., 2002. The Mesolithic settlement at Maroulas, Kythnos // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. vol. 2.
- Sonneville-Bordes D., Perrot J. 1956. Lexique typologique du Paleolithique superieur // *Bulletin de la Societe prehistorique francaise*. vol. 56(9).
- Srejović D. 1989. The Mesolithic of Serbia and Montenegro. // *The Mesolithic in Europe. Papers Presented at the Third International Symposium, Edinburgh 1985*. Edinburgh.
- Stanko V. N. 2007. Fluctuations in the level of the Black Sea and Mesolithic settlement of the Northern Pontic Area. // *The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate, and Human Settlement*.
- Stanko V. N., Kiosak D. 2007. The Mesolithic Settlement of the Lower Danube-Prut-Dniester-South Bug interfluvials: The Early Mesolithic Assemblages // *Atti Societa Preistoria e Protostoria, Friuli-Venezia-Giulia*. vol. XVI.
- Tixier J. 1961. *Typologie de L'Epipaleolithique du Maghreb*. Paris.
- Zaliznyak L. 2006. Grebeniky culture of Odessa region as a possible consequence of the Black Sea Flood // *Extended Abstracts of 2nd Plenary Meeting and Field Trip of Project IGCP-521 Black Sea-Mediterranean corridor during the last 30 ky: sea level change and human adaptation (2005–2009)*. Odessa.

Summary

The paper treats the issues of cultural and economic relationship of the Final Palaeolithic and Mesolithic population of South-Western Ukraine. The author argues that trapezoids of Mediterranean Final Palaeolithic are not good analogies for elongated trapezes of Tsarynka and the parallels should be searched in the Central European cultural entities. The sites of Bilolissja type are related to the Cuina Turcului sites and the Recent Mesolithic finds close parallels into Pontic Tardenoisian of Romania.